

Вика, наверное, у каждого человека есть первая песня, та, которая полюбилась еще в детстве. Вы ее помните?

– «Степь да степь кругом»... Я пела ее и на своих первых «гастролях». Мне исполнилось пять лет. Мы с бабушкой ехали из Хабаровска на Урал в плацкартном вагоне, где я и выступала, а благодарные слушатели несли шоколад, печенье... Какова же была моя радость, когда через много лет я узнала, что это любимая песня Николая II. Не знаю, как она появилась в моей жизни. Наверное, влетела с генами. Моя семья была очень музыкальной. Бабушка пела и хорошо играла на ложках. Дедушка – на гармошке. Прекрасный голос у моей мамы, отца. В доме постоянно звучала музыка. Причем хорошая. Настоящая. Особенно любили пять русских песни. Обязательно заканчивались ими и все застолья. А поскольку семья большая, то и за столом тогда звучал мощный красивый хор.

А сейчас, когда душа поет, что напеваете?

– Все зависит от настроения. Но «Степь да степь кругом» остается моей любимой песней.

В вашем репертуаре есть и лирические песни, и гражданского звучания, и озорные... Какие вам ближе?

– Я не могу петь о чем-нибудь одном. Возможно, потому, что по своей природе я человек очень живой. Мне свойственна и меланхоличность, и страсть, и романтизм...

Свою творческую карьеру вы начинали как театральная актриса. Не жалеваете, что потом выбрали стезю певицы?

– Для меня это естественное событие. У меня не было любимых ролей. Самая яркая – Липочка из пьесы Островского «Свои люди – сочтемся». В этом спектакле я и пела, и танцевала. Когда уже стала известной певицей, не раз возникала возможность вернуться в театр. Соответствующие предложения делали Ефремов, Любимов... Но я как раньше, так и сейчас слишком увлечена своим творчеством. А театр – это, как правило, идолопоклонство перед режиссером. Он лепит из актера то, что считает нужным, а тот не смеет возразить. Не секрет, нередко режиссер использует творчество великих драматургов, писателей, чтобы выразить не их идеи, а свою сущность, которая у него не всегда чистая и хорошая. Возможно, он обманывается. А может, сам обманываться рад. Но все равно он втягивает в этот процесс и актеров, особенно молодых. Я как человек очень сильный не могла принять такую позицию. Если я не чувствую правоту режиссера, мне навязывают плоские вещи, – у меня происходит внутренний бунт.

Но ведь эстрада – тоже занятие отнюдь не стерильное.

– А я не занимаюсь эстрадой. Я занимаюсь своим творчеством. Мой муж – это и мой автор, и режиссер, и мой руководитель. Первая песня, которую Вадим написал для меня, сразу же расставила все точки в наших отношениях, – это «Андреевский флаг». Потому что я сама дочь офицера, и все, что связано с Родиной, ее защитой, для меня совершенно святое понятие. Школьницей я всегда на 23 февраля пела песню «Огромное небо»... Слова из нее «подальше от города смерть унесем» я воспринимала как образец для подражания. Видимо, в моей натуре есть что-то героическое. Так получилось, что даже любовная лирика может лишь частично присутствовать в моем творчестве. Мне надо гореть собой и людей вдохновлять, утверждать в них лучшее. Возможно, это помогает и мне становиться лучше.

Однако был период, когда вы хотели петь только лирику. Это даже, как писали тогда газеты, поставило ваш брак на грань развода.

– Это произошло, когда после успеха, мощного, какого-то космического, вдруг наступила тишина. Естественно, мне надо было сориентироваться – почему? Что произошло? Ведь то, что я пою, всем нравится. Лирика стала вроде спасательного жилета. А он и не сработал.

А что сработало?

– Вера. Я поехала в монастырь, общалась с батюшкой, исповедовалась... И он сказал, что мне обязательно надо петь, хотя никогда не слышал, как я пою. И что петь... Пришло понимание, что мое творчество прежде всего должно быть патристическим. И теперь в своих песнях я говорю: есть правда, есть свет, есть Бог. И культура русская, православная. И Россия будет сиять только тогда, когда она станет православной.

Как такие представления соотносятся с песней «Русская водка»?

– Это шлягер – яркий, красочный. Но

Вика ЦЫГАНОВА:

МЫ МЕНЯЛИСЬ ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ

«Андреевский флаг», «Приходите в мой дом», «Ангел мой», «Балалайка», «Русская водка»... Эти очень любимые публикой песни поет Вика Цыганова. И только она. Возможно, потому, что сегодня, пожалуй, нет другой певицы, голос которой так же идеально подходил к ним, звучал и современно, и в то же время как-то по-русски был душевным и близким. Ну а произошло это, потому что писались песни специально для Вики и человеком, который знает все лучшее в вокале и личности певицы, ее мужем Вадимом Цыгановым. Творчество и судьба этих людей настолько тесно связаны, что на интервью с Викторией Цыгановой мы пригласили и Вадима.

пьянство – страшный грех, и моя песня ни в коем случае к нему не призывает. Наоборот, там есть слова: «Хороша ядрена мать, только меру надо знать»... А русский человек, к сожалению, часто ее теряет. Хотя веселье и радость, конечно, никто не запрещает.

Много ли у вас сейчас работы? И кто ваш нынешний слушатель?

– Работы много. Крым давно уже отделился, а в Севастополь зовут петь Вику Цыганову. Отмечают день ВДВ – зовут. День иконы Тихвинской Божьей Матери – опять зовут. А слушатель мой очень помолодел, и это хорошо. Значит, есть молодежь ищущая, пытливая, которая хочет знать историю нашей страны и понять, что такое Россия.

С годами труднее составлять репертуар?

– Сейчас мы работаем над альбомом, который связан с нашими впечатлениями от путешествий по разным странам. Тут и приобщение к другим культурам. Это интересно хотя бы тем, что мы в своем творчестве вышли за пределы проблем нашей страны и приобщились к югу-востоку, Китаю... Но в целом репертуар сужается. Петь многие страстные песни, которые исполняла раньше, я уже не могу. Потому что все-таки стараюсь бороться со своими страстями. Хотя одна песня, в которой особенно ярко звучит струна Вики Цыгановой, останется со мной, наверное, до самой смерти. Это «Балалайка». Без нее это буду уже не я.

Вадим: Песню можно быстро записать, но до этого момента проходит много времени, идет большая внутренняя работа. Иногда нужно и потрясение. Но все-таки я бы не стал говорить о создании песен как о поэзии. В нашем творчестве значительно больше гражданской позиции. Мы говорим о сегодняшних реалиях, которые просто требуют перемен – в стране, мире, душе...

Как все-таки девочка с театральным образованием стала выступать с группой «Ласковый май»?

– Я работала тогда в женской вокальной группе. Мы исполняли лирико-романтические песни в первом отделении, а потом выходил «Ласковый май». То есть выступала на разогреве. На самом деле это время мне очень запомнилось, было интересно, шло познание мира. Разве в театре на самый замечательный спектакль может прийти десять тысяч человек? А на «Ласковый май» приходило. И надо было эту огромную аудиторию увлечь, чтобы тебя не закидали помидорами.

Многие негативные моменты сегодняшней эстрады выросли, можно сказать, из «Ласкового мая». Эта группа еще 20 лет назад сделала фонограмму основным средством общения с публикой, запустила группы-двойники, которые косячили по всему тогда еще Советскому Союзу. Кстати, кажется, именно Вадиму Цыганову, тогда коммерческому директору этого коллектива, принадлежит идея создания студии «Ласковый май», что и позволило в известном смысле узаконить подобное клонирование. Ведь студия – это уже школа. Она и должна выпускать в данном случае музыкальные группы.

Вадим: Честно говоря, за «Ласковый май» я хотел бы покаяться. Я тогда не ведал, что творил. Был человеком непонимающим. Молодым. Но как говорил Рембрандт, любая творческая личность катит впереди себя тачку с навозом. Мы прошли свой путь, созревая до каких-то идей. И то же происходило с обществом. Оно голосовало за Ельцина, а потом от него отвернулось. Так что ошибки имелись и у нас, и у всего общества. Фонограмма – это, конечно, плохо. Но куда хуже тексты, которые звучат сейчас – беспринципные, наглые, растлевающие, вроде «ты целый меня везде, я ведь

взрослая уже». По сравнению с этим то, что делал «Ласковый май», кажется детскими проделками.

Если бы материальное положение вашей супружеской пары сейчас было таким, как в начале творческого пути, могла состояться певица Вика Цыганова?

Вадим: Нереально. И дело даже не в материальном положении, а имиджевом. Знаете, когда Вика начинала, я вообще не вкладывал никаких денег. Она была в известном смысле запрещенная певица. «Андреевский флаг» не крутили ни на радио, ни на телевидении, хотя песня эта уже стала очень популярной. А потом случился август 1991 года. И нас стали приглашать на все каналы. Всем сразу понадобился «Андреевский флаг». Никто не просил денег. Наоборот, нам давали любые стадионы, и Вика собирала и десять, и двадцать тысяч человек. Само время вытолкнуло нас к публике. И если сейчас появится человек, который точно попадет во время, сформулирует, что происходит, если он будет не просто талантливым, а явлением, – он сможет пробиться. Когда появляется такая мощная личность, как Высоцкий, уже не нужны деньги. На него работают сами идеи. Вкладывать надо в бездарей. Тут нужны, наверное, и миллион долларов, и два.

Но ведь это нормально – вложить деньги, например, в новую программу.

Вадим: Это нормально для нашего продажного времени. Айзеншпис ведь прямо сказал: я могу из любой обезьяны сделать звезду. И это даже приветствуется. Стало нормально осуществлять серьезные государственные программы и иметь двойное гражданство. Золотая молодежь у нас типа Ксении Собчак. Но разве она золотая? Она наихудшая. А золотая – это Женя Родионов, погибший в Чечне, которому бандиты отрезали голову за то, что он не снял православный крест, не отрекся от России. Вот кто

должен быть для нас духовным ориентиром. А не те, кто прожигает жизнь сама да еще растлевают детей гомосексуализмом и идеологией: бери от жизни все что хочешь.

Вы оба занимаете четкую гражданскую позицию. Вообще иметь ее – это характерно для сегодняшней эстрады?

Вадим: Нет. Эстрада превратилась в мир чистогана. А когда Бог – это деньги, то вся позиция сводится к тому, чтобы иметь их как можно больше. И если ты начинаешь жить по этому принципу, тогда со всеми станет очень легко договариваться, получать концерты, тебя будут приглашать на телевидение, а не вырезать из телепрограмм, как это произошло с выступлением Вики на недавнем концерте, посвященном дню ВДВ. Она исполнила несколько песен на бис, потому что зал ее не отпустил. А когда концерт показали по телевидению, все артисты были, кроме нее.

Вика несколько раз выступала в Чечне перед бойцами. Награждена боевыми медалями. А последний раз когда были там?

– Год назад... Знаете, чтобы ехать туда, нужны огромные душевные силы. Ведь надо к чему-то призывать, петь о каких-то идеалах. Тогда как многих людей, с которыми мы там общались, уже нет в живых. Женщина, которая встречала меня хлебом-солью, в тот же день и погибла. Ты поешь и видишь, что у солдат, этих мальчишек, большинство которых из малообеспеченных семей, сироты, порой нет самого необходимого. Мы много бесплатно выступаем в госпиталях, помогаем детским домам... Но покупать солдатам сапоги, одежду и даже рацию, что мы и делали, – разве это нормально? В то время как на Чеченскую Республику тратятся миллиарды долларов. В Чечню мы ездили по зову души. Но в какой-то момент решили, что споем для солдат лучше здесь.

Вика, в прошлом году на выставке «Дизайнеры России», проходящей в «Крокус-ЭКСПО», вам дали премию как лучшему дизайнеру по одежде. Мне довелось видеть ваши работы – они в известном смысле уникальные. Вам удалось соединить, казалось бы, несовместимое, элементы военных шинелей с народными мотивами, и при этом ваши модели очень женственные, стильные и современные.

– Костюмы мне приходилось делать и в школе, и в театре, и когда пела в ансамбле. Я всегда любила рисовать. Когда еще ребенком занималась в изостудии, мой педагог говорила: «Викочка, я даже не знаю, кем ты будешь, актрисой или художником». И до сих пор я рисую. Все свои концертные костюмы и вещи, которые ношу, придумала сама. Мне нравится и наряжать людей, создавая какой-то образ. Скажем, женщина-сирень. Я никому не шью за деньги. Но когда вижу, что человеку нравится мое художество, он поверил в меня, пойдет за мной, могу кардинально поменять его имидж. Однако если женщина – жертва глянцевого журнала, это не ко мне. Есть бутики и, пожалуйста, носите бренд как главное украшение одежды. А если нравится мое творчество, то, пожалуйста, под мои флаги.

Я знаю, что Вадим занимается дизайном мебели.

– Это тоже хобби, которое переросло в профессиональное занятие. Вадик не сразу к нему пришел. Он писал стихи и рисовал на полях блокнотов лошадей, знамена, значки... Причем делал это потрясающе, у него какая-то невероятная пластичность в рисунке. Я еще ему все время говорила – рисуй, рисуй... Сейчас он и картины пишет.

У вас у обоих много занятий помимо сцены. У Вики есть меховое ателье. У Вадима своя мебельная дизайнерская мастерская. Вы допускаете, что однажды оставите сцену?

– Нет, заниматься только тряпками, как это ни интересно, я не могу.

Вадим: Понимаете, самым главным в жизни мы считаем саму жизнь. А она вся соткана из занятий. Недавно открыли ресторан «Шарлотта-Анна». В нем все до мельчайших деталей продумано нами. Но говорить, что я теперь ресторатор, или только поэт, или продюсер, а Вика только певица – нельзя. Еще у нас есть дома, яхты... Мы много занимаемся благотворительностью, и это тоже занимает значительную часть души. Потому что мы – творческие люди и, как это ни пафосно звучит, верим в человека.

Вика: Нам бы хотелось вдохновлять людей на созидание лучшего и в своей душе и судьбе, укреплять их в вере, что у России есть прекрасное, достойное будущее.

**Беседу велa
Наталья КУЗИНА**